

Михаил Туркин

Тихий омут надежды

СТИХИ И ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Туркин
Тихий омут надежды

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Туркин М. Б.

Тихий омут надежды / М. Б. Туркин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Дорогие читатели! В ваших руках не простая книжка стихов, написанная автором за небольшой промежуток времени, но в авральном режиме. С упорством Владимира Ильича, Михаил Борисович несколько раз редактирует книгу добавляя что-то новое. Не стоит воспринимать их строки буквально или призывом к какому-либо действию. В этих стихах поэт вспоминает о своей первой любви после встречи с девушкой, похожей на неё. Также представлены стихотворения о природе, любви (неразделённой), обидах, жизненных неурядицах и случаях с автором, больше всего запомнившихся ему, и запавших в память. Содержит нецензурную брань.

Михаил Туркин Тихий омут надежды

В час грустный, и время-испытанье, -
ты дай мне свою руку, на прощанье.
Борьба за жизнь, была не простой;
как, отчаянно кричал тогда постой!

В мире хитросплетений и интриг,
я не один длинных волос не стриг.
И, не один влюблялся, и был в этом -,
так становился я, известным поэтом!

А, наставление от мира страшнее мук,
в постель перебирается крупный паук...
Милое существо держит нити прошлого, -
и никогда нам не сулит ничего хорошего!

Мы понимаем, что над этим миром: не властны,
и над судьбой; а с любовью-мы бываем страстны.
Не любит- Бог с тобой; ведь, даже божий сын и Бог,
свою судьбу, по своему желанию, – свершить не мог!

Как звери: восхищаются солнышку -,
как, пьют благословенную водичку, -
так, я влюбляю тебя; так, в Золушку,
и, снимаю с личика, твою ресничку!

Волосы мягкие, чистые и пушистые,
как, у маленького милого котёночка.
Немного завитые, к низу волнистые:
хочу, в них утонуть, – ты моя тёлочка!

Я знаю, что увижу тебя скоро, на днях;
и, чувствую сердцем, такое волнение...
Иная влюблённость к тебе: есть, Аня, -
а мне увидеть волос лёгких, волнение!

Ты; же, мне не позвонишь, просто так;
ты, не вспоминаешь обо мне по ночам.
Тебя больше привлекает его простота,
тебе не ведомо чувство грусти, по очам!

«Пройдёшь серой мышкой», – я тебя замечу,
как долго не держал этих знакомых ручек.
Не встречу, и не скажу: выпьем, за встречу!

На память осталась пара шариковых ручек...

Тебя, я больше не вижу: земля, а на ней-мы.
Внезапно, случился мой сердечный приступ -,
не могу своей любви брать у кого-то, займы!
Я тише, медленней иду по следам твоих ступ

Как-то, в деревню заезжал дядя Витя, с Олежкой!
И, я с ними поехал по его старым, святым местам.
Иногда, он Олежку называл по-своему, малоежкой:
он не ел кару, но любил бывать на природе, и там...

Его бабушка открывала ему внутреннее зрение;
нечто подобное, в детстве бабки делали, и мне -,
конечно, на это, у меня была иная точка зрения.
Олежка замолчал, он залюбовался на гриву коней!

– Олег, видишь; как в природе всё грамотно сложено?
– Бать, а молодые бабы есть, в этой деревушке, старой?
И, хитро устроено, это на уровне генов ДНК заложено!
– Олег, если б, они там были, я, – полетел туда гагарой! (вообще!)

– Я, про девок спрашиваю, а, не про твоих полных баб!
Я вспоминал про Аню, в этой поездке, с дядей Витей...
– Олежка, а в тёплых странах вырастает дерево-баобаб.
Почему, я её реже вспоминаю; видимо, давно не видел.

Мы доехали, до древней, соседней деревни, к вечеру -,
дядя Витя встретился, со своими старыми друзьями.
Потом; специально, подъехали к дому-Серёге Кучеру!
Я, в машине, и рядом волчьи ягоды росли гроздьями...

Какой приятственно вечер, – промолвил дядя Виктор.
Раньше, в это время девушки с ребятами ходили в клуб!
На заднем дворе, в поле: работал синего цвета трактор.
– Мишка, не надо у бака ЗИЛа играть, ну; ты же, не глуп...

Повспоминали, и поговорили о жизни, о том времени, былом...
Что, денег не хватает, а Боря Ельцин, улыбаясь, пляшет, и поёт.
Осознавая, что прежнее прошло, многие люди, – стали быдлом!
И каждый из нас, как наш президент: не выпивает, а много пьёт!

– Я парнишкам уже давал немного попробовать пивка -,
Олешке понравилось, а Мишка пить не стал – в отказ!
Но, оно не креплёное, слабоалкогольное, бьёт слегка.
Бабушкин наказ, – он накрутил в машине-тормоз-отказ...

После, стали возвращаться домой, и дядя Витя заехал в лес:

Олешка, на картинке у папы увидел одну голо задую тёлочку!
У него карандашик торчал, от сильного желания: весь облез.
– Оставь: говорит, меня одного, – поддрочить на эту метёлочку...

– Мы; пока, с дядей Витей отправились в лесок, по грибочки.
Он спросил: – Ты, за ним не хочешь-своё напряжение излить?
Отвечаю: – Мне, ещё воды надо наносить домой, в две бочки -,
зачем, меня нужно ему хотеть, напрягать, да; ещё, и злить!

– Вау, Олешка сколько на кончал, залил всю лобовуху;
так заботливо, и старательно вытирает всё мокрой тряпкой.
– Ой, ты паразит, он даже кончил стрелой, в навозную муху!
А Мишка, не может даже на кончать, видно, – он был тряпкой?

Олешка улыбаётся, во всю мордуленцию, спиногрыз горд собой.
Я думал о своей любви, хотелось вживую с ней ПО притираться.
Олег расслабился, плотно покушал на ночь, готов идти в забой.
А, мне оставалось со своей грустной судьбой, – ПО припираться...

Любовное тепло: не каждому даётся в руки;
а иным, и тяжкий крест приходится, про несть.
Кому богатое наследство, а кому жизнь-муки -,
не покорна честь-несправедливости, – не счесть!

В голове боль, на сердце тоска, в душе-снег.
Мы заморозили души, своё душевное тепло:
нам остаётся, только тяжёлый солнца, бег,
и; чтобы, что-то нас ещё втянуло, и увлекло!

О, жизненного солнца – наша благодать;
когда б, тебе не открывались эти двери?!
Готов был, сердце, в душу её, и ей отдать, -
чтоб; только, человеку-ты это не доверил...

Я не вижу эмоций, безразличное лицо,
твоё пренебрежение, к святым ценностям.
Твой ненавидящий взгляд жжёт, налицо -,
ах; как неохота пойти, к человеческим костям!

Ну, я готов, готов ради любимой, на жертвы -,
я очень долго ждал, не сдаваясь злым врагам...
И, я не собираюсь, сам становиться, жертвой!
Так вышло, – разочаровался в ней, и сдался вам.

И, – осознав всю горечь разлуки с любовью школьной:
понимаю, я заблуждался в ней, как в светлом человеке.
Могу-ли я пойти, дорогой неровной, узкой, и окольной, -
смахну слезу на веке, как жить мне без дорогой, на веке?!

Я, – подвергся унижению, и осмеянию предателей-друзей!
Вы сделали всё; чтоб, она меня не полюбила, и не оценила...
Теперь, я не захочу пригласить её на выставку картин-в музей.
Как много со школьной скамьи утекло воды, с притоков Нила!

Новый год, не предвещает мне радости;
как всегда, подарит только одни гадости.
Мой дом не посещает; уже, ни одна снегурка.
А, я на диване один возлежу; как лысая чурка!

У многих мигают огоньки, и, в руках петарды,
а мне приходится играть одному в игру-нарды.
Моя судьба мне говорит: ты парень-неудачник, -
не вышел из тебя Казанова, ты простой дачник!

Любовный свет любимого окна уже не загорает.
Моя любовь кутается в простыне – душа сгорает!
Ты далеко, та далека, от мелкой суеты, и ожиданий;
ей слишком далеко, и на нас наплевать, до свиданий...

Порою, всем нам хочется, и умереть!
Я жду тебя, а ты всё не приходишь:
это любовь моя, иль эта твоя смерть -,
меня, ты; почему-то, не находишь...

Какой сегодня будет чудный денёк:
душа моя возликует, и побеситься;
коль, чая выпить, хоть идти в тенёк:
так, – не хочется жить, а повеситься!

Конечно, стул, верёвка есть, и крюк;
я подумаю, – как вдеть, что мне надеть, -
но; никак, не подбираю тёмных брюк,
и детвора на улице не перестаёт галдеть.

А, ты живёшь не спешно, но не торопи,
меня с решеньем обдуманно-взвешенным.
Пусть, я умираю без любви; дом окропи -,
но; как же, гордо, быть смело – повешенным!

Прощальные стихи, -
все они о той любви.
О ней, Ане-безвозвратной;
больней, любить обратно!

Она; бывает, как поглядит, -
так, понимаешь, навредит.
Пышны, и растрёпаны волосы, -
будто, волнистые иглы-полосы!

Ты покличь её, отзовется речкой:
молись за неё, постой со свечкой.
Её сердце к другому-ему посвящена,
дорога Ани: светом любви освещена!

Пожелай мне дороги хорошей,
под раскидистой, старой сосной.
Запоют, заскрипят над порошей -
и мои сани, что заплачут весной.

Засмеются на селе весёлые девки,
и мы с ними ударимся в танца-пляс.
Вместе, вспомним наши припевки,
что зимою застыли для них, а не нас!

А, древний дуб замашет мне веткой,
ветром в поле поднимаются вихри:
распрямляю ладонь с чёрной меткой,
как пират, и волос кудрявые вихри...

Ты; теперь, мне не скоро забудешься,
а весенний напев, с птицами слетает.
Наяву, во снах, и, в мечтах заблудишься, -
вспомнишься; когда, весь снег оттаёт.

Ветер завоюет в трубе, и плачет улица, -
заголосит во всю степь моя панихида.
А любовь, – не сбудется, но не забудется -,
путь, и не видать мне далёкого скина!

Седеет листва деревьев голов,
поголовье деревни-семь голов.
Для любви: не хватит книг, слов;
я, с речки притащу богатый улов!

И говорил ей; что, я изменился,
на самом деле круто обленился.
У меня вырос большой живот,
я такой парень-пельмень, вот...

Смотрю на неё, и очень люблю;
Она: – А, я от него только по блюю...

Но, это она не про меня, верно?!
А, про того, или своего; наверно.

– Ну, тогда скажи, что во мне не так?!
– Не понимаешь; совсем, или дурак?!
Другая жизнь, отношения, – его сила. (сносилась)
Я правда этого не понимаю, бросила! (бросилась)

Потом; я уже, не звонил, и тупо ждал.
Пройдёт немного времени, и полюбит. (может)
После, я ждать это существо перестал, –
и наконец, я понял: она меня не любит! (печаль гложет)

Ещё, в начальной школе, классе втором:
мы с нею спели вместе с классом, хором...
Я сказал, полюбишь, подождём, до завтра?
Она убежала, и даже не доела свой завтрак.

Тогда, получается; и раньше, – не возлюбила?
– Вообще, никого не любила, а потом забила. (забыла)
– Но я-то, всё это время только тебя одну любил...
– Я думала, ты понимаешь, а оказалось-ты дебил! (добил)

– Да, на таких как ты, я; даже, вообще, не смотрю!
– Чем я хуже его; а, ты горда, зла как я посмотрю.
– На таких как он, надо всем ещё равняться!
– Пусть, равняются те, кому нечем заняться!

– А, я поняла, что ты, – не отстанешь от меня; вообще!
– Ань, подожди; а разве, я к тебе приставал, и вообще?
– Если будешь не со мной, а с ним, тогда: надо убивать...
– Не нужно было меня так любить, и ко мне приставать!

Должно быть какое-то средство, она: должна меня любить!
Пусть кажусь посредством; ведь, самое главное, – не добить.
И; что же, – сделать мне, как жить вместе с нею, мои друзья?
Дай Бог; вот так, не сделать, думать, и не жить с ней другим!

Струится тонкой струйкой родник,
с небес, опускается жёлтая осень.
Становятся такими короткими дни,
и, не виднеется солнце, и просинь!

Любовью дышит сама природа-мать!
Разносится дальше горное эхо-гром.
Как будто, и в России одна благодать:
не слышно стонов, без власти-погром!

На ольховой опушке спала береста,
не слышны крики кудахтанья клуши.
А над Россией, уже не видно креста;
знать, нонче идут не крещёные души.

И, если меня; бы, при жизни спросить, -
что, ты хотел; б, Стеллу, или памятник?
Леса посадить, поля засеять, и оросить.
Ставьте часовню: молиться, и маятник!

А что же, – написать, на гробовой доске?
Не думалось; что, я, – задумаюсь об этом...
Чем дорожил, кого любил-в стихах, тоске.
И, был человеком и величайшим поэтом!

А, жил поэт; так, как каждый сможет, -
но, был застенчив, чист; хоть, и раним...
И счастье обрести, пусть Бог поможет -
Его, в светлой памяти навеки сохраним!

Ты не веришь в любовь, для тебя это-определённость;
но, как объяснить моей любви такую неразделённость?
Говоришь, нет у тебя любви, но я тебе не хочу поверить!
Любовь, как Бог, есть она и нет-нам в неё можно верить.

Объясняешь влюблённость биологическим актом, химией.
Привязанность к человеку, как атом пыльцы-тянет к лилии.
Аня, в твоём мировоззрении нет; и намёка, на волшебство;
ведь, давно: не веришь в сказки, и в Скруджа, на Рождество!

Этот Новый год повторяет череду предыдущих годов в стране;
каждый день мы просыпаемся, и чувствуем себя, как на войне!
Нам необходимо продуктов в магазине купить, чтобы выжить -,
политика России; будто, пытается нас из жизни этой, – выжить...

Всё у нас здесь, в изобилии, продуктовый возле самого дома;
разве, можно продавать залежалое: не доводите до дурдома!
По срокам, конечно, в норме, – ты не придерёшься, господин,
где же совесть, – разложилось общество, как жить, Господи?!

Ты меня снова не любишь, водишь -,
я знаю, можешь ничего не объяснять!
Ведь, ты с ним, и опять его заводишь,
для него: ты можешь свои трусы снять...

Была моей самой ценной потерей, потерь,
мои слёзы тебя не потревожат, и не трогают!

Не представляю; как мне прожить, теперь?!
Руки неприятного мужчины, – тебя потрогают.

Ты мне говоришь, что, – я не понимаю тебя,
а, что я не понимаю, если вижу-ты здесь одна.
– Но, я только сейчас одна, осталась для тебя.
это ничего, что, пока не достаю до твоего дна! (не страшно)

Ты желала мне устроить нижнюю сессию;
Но, я не раб, не как; то, жалкое животное...
А сама, – не смогла, сдать зимнюю сессию!
И, охота тебе содержать существо потное?

– Ты; что, тоже хочешь поесть мои фекалии?
– Нет, Боже упаси меня, от этого, твоего кала!
– Тебе нужно быть рабом, и носить сандалии.
– Хотя, ты симпатичен, я; что-то такое, искала (из кала?)

– Неужели, тебе не совестно превращать-то в собаку?
– Но, и до кала можно было-бы, и не доводить его.
– Ну, я не виновата, что он захотел лизать мою сраку!
– Просто, я так захотела, и это было больше всего... (кому?)

– А когда захотела, сходить в туалет, это-не дал мне, -
сходить, и всё съел; ага, с благодарностью-он псина.
– После этого, у него лицо: подбородок и нос-в гав не...
– Правда; потом, он мне признался-горько, как осина!

Постоянно лизал мою сраку, – до лизался до подарочка.
Как раз, до этого времени, – поела говяжьих котлет, я
И, он лежит на полу, над головой своеобразная ярочка!
И, оказалось, он был грязный козёл, и плотная свинья...

Понятно, но я-то хотел любить чисто и трепетно, тебя!
– Можешь, и дальше любить, я не против этого, у себя.
– Да, но при этом входить разными частями тела, в тебя.
Имей ввиду; как госпожа, не стерплю отвращение себя.

Если, например, я тебе так делала, у тебя это вызвало отвращение?
Нет, не подумай, я не против пить любовные соки, из твоей вагины.
– Согласен, мне слишком неприятно было это, эдакое извращение!
– Видишь, а козлий паренёк не побоялся, ни глистов, ни ангины!

Я спросил: – И, не стыдно унижать таким грязным способом, людей?
– Если, буду в ногах валяться, ты, – останешься со мной? – Нет!
– Нет, если пришёл ко мне, готов, сидеть в ногах как халдей, – балдей!
– А; ежели, я тебе дам несколько ценных золотых монет? – Нет. (монет)

– Ты думал, что меня деньгами можно будет подкупить...

– Всё-равно, он прежним не станет, таким, – останется.
– Если хочешь, помочь, тогда лучше телефон прикупить
– Он от меня не отстанет, но; и, со мною не останется!

– Значит, для тебя-я не герой, а мне: иди могилу рой?!
– Только когда будет необходимо-стой за меня горой!
– Давай, сыграем в карты: я хожу, ты выбираешь, крой. (мог её покрыть)
– Скажи, а как мне без тебя век жить, и осеннюю порой.?

– Мне бы, – хотелось, называть тебя моей любимой Анечкой
– А знаешь, я могу за тебя жизнь отдать, и, даже умереть...
– Но, хочешь, я буду тебя называть по-особенному, Шанежкой?
– Если не полюбишь, то будешь в гиене огненной гореть!

И, сказала: ты зазнался, спросив, – хочешь, будешь мой?
– Тебе, что; не стыдно обижать, и унижать человека, да?!
Я не выдержал, и сдался, засобиравшись к себе, домой!
Одного унизила, стал ещё больше любить, ты: иди сюда.

– Признавайся, тебе же нужна не просто я, а моя пизда?
Познавал, наступила зимушка-зима лютая, и трескучая...
Отговорился, поведав, что мне нужна смазки-её слюда.
Понял, остаюсь на время без тебя-моя любовь-плакучая!

– Ладно, давай так; когда, наконец полюбишь меня?
– Чего, ты привязался ко мне, как к заднице-банный лист!
– Тогда; когда, ты на конец, – отстанешь-то, от меня?!
Стоишь тут, ничего сделать-не можешь, как хитрый лис.

– Шёл; бы, лучше делом каким-то, занялся: стихи б, написал;
В то время, я не мог понять её вздорный нрав, рифм не знал.
Показал, как любишь; например бы, это место смело отлизал...
Тебя, не только любовь; но, и кто-нибудь, как поэта б, признал!

Оттого, что не послушался твоего Аня, и Артемия дельного совета:
я стал писать очень много, и неустанно ткал в бук, и ночи напролёт...
Мне отрывалась безымянная планета, и все слова – лунная сонета!
Я дописался до того, что мимо моего дома стал летать твой самолёт.

Я проснулся, а в комнате одиноко;
Вижу, в небе вошло горящее око.
помнил, как мне сказала: не люблю -,
знаю, что некрасив, и носком клюю!

Горестно мне было услышать те слова,
от них печалится сердце, болит голова.
Они прозвучали от возлюбленной Ани:
горной козочки, и недоверчивой лани...

Оговорюсь, если не сказал: я её любил;
поперёк слова не говорил, и не грубил.
Соседи осмеяли; случайно, узнав о ней,
оттого ещё мне стало намного больней!

Но, я верил, что она не как все, а другая;
предала чувства: мог, молчать, не ругая.
Не любит, но когда-нибудь, – всё сбудется,
неприязнь, и боль стерпим, и, – забудется!

А, ожидание любви затянулось на много лет -,
я: написал стихи, из которых слагают куплет!
У людей за жизнь, – скопилось немало грехов:
у меня в каждой строчке плачь золотых стихов.

Заветное желание войти к тебе в дом сердца;
но как же, войти, если ты, – не впускаешь, к себе?!
И если долго не открывается потайная дверца;
значит, там место не твоё: не суждено быть тебе.

Я с детства ненавидел слепней, лисиц, и жаб;
и потому, мой посох всегда бьёт точно в землю!
Хочу до дрожи, боли в теле красивых, юных баб -,
не надо изводить меня, издеваясь, не приемлю.

Как противно жить с суками-соседями, в округе:
я пред-инсульт, не в коме; но уже пред-инфаркт.
Закружусь, в этом замкнутом, и порочном круге!
И это; не просто, мой трёп, а достоверный факт.

Вы издевались ни за что, и довели меня до ручки, -
мне больше не жить тут с вами, а будет, не в маго ту...
Не хватит моих сил; чтоб, удержать пера, и 2 ручки -,
мне невозможно даже дышать, и видеть вашу наготу!

Моя душечка; которую полюбил, любимая Аня -,
я жил с тобою, и любовью, в своих смелых мечтах!
Зайти ко мне, быть может: ей, – позволит минута, -
всё ждал, что она мне скажет: ох; теперь, скажу-ах...

Знает адрес: не придёт, и телефон достать не сложно;
лишь, в тишине я один, и одинокий каплет дождь-идёт.
Твоя любовь ко мне неосвязаема, нереальна-всё ложно!
И, – попрощаться со мною, даже к человеку не подойдёт...

Мой домик осел, ничего я не делал, и мой садик зарос;
покуда, моё усталое, больное сердце биться, может -,

а, рядом одинокий, могучий кедр-в бедную землю врос, -
любить-терять, и позабыть она, меня уже не сможет!

До встречи, на небесах, – прошепчет ветер в еловой хвое;
а, птицы; как, и прежде улетают на юг, за широкое море,
парю высоко над землёю, влетаю в душу, к любимой-тебе,
и, больше не коснётся нас печаль полей, и земное горе!

Тебе зима тепла, пока ты находишься в тепле дома...
Любовь необязательна; когда, с тобою в комнате жена.
Совсем, другая жизнь, когда: тебя парализует, кома:
и, горестно сознавать-твоя любовь была тебе не верна!!!

Я тебя захотел, с безумством зверя;
но, сдерживал страсти-своей, порывы!
И, ожидал-я очень долго ждал, веря...
Лопалось время души моей, в надрывы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.